

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

И. С. ВДОВИН

В. Г. БОГОРАЗ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ

(к столетию со дня рождения)

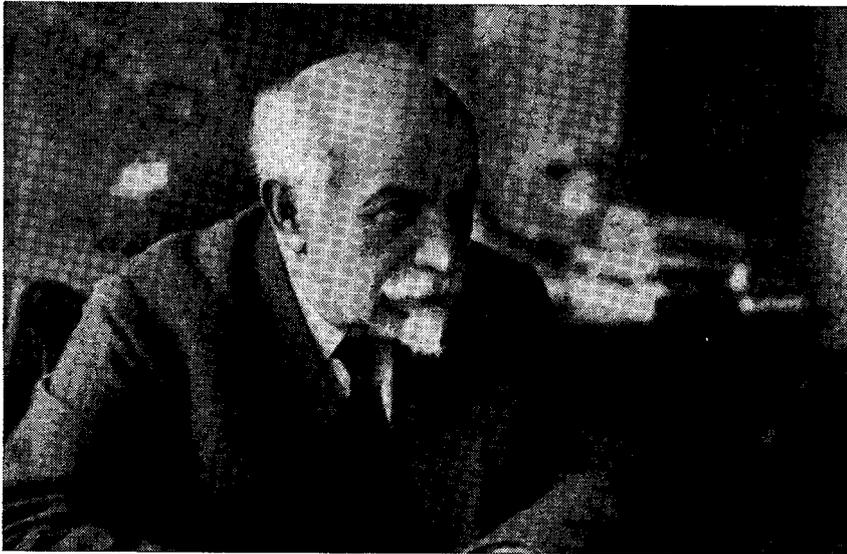
Начало научной деятельности известного русского этнографа, языковеда и фольклориста Владимира Германовича Богораза (Богораз-Тана) (1865—1936) относится к 90-м гг. прошлого века.

В 1889 г. после трехлетнего заключения в Петропавловской крепости В. Г. Богораз был сослан на 10 лет в Колымский округ. Так он поплатился за свое участие в деятельности партии «Народная Воля». Местом ссылки был определен Среднеколымск. Помимо повседневных забот, определявшихся условиями жизни ссыльного, В. Г. Богораз изучал на Колыме языки и культуру русского старожильческого населения, эвенков, чукчей. Здесь он занялся и предметом, который ближе всего примыкал к кругу его политических взглядов и убеждений народовольца. Уже в 1890 г. Богораз приступил к записи русских народных песен, былин, сказок, загадок, т. е. устного творчества русского старожильческого населения берегов Колымы. Одновременно он вел наблюдения над особенностями фонетики, грамматики и лексики местного русского населения. Эти занятия стали для В. Г. Богораза лингвистической школой, которая немало способствовала его успехам в дальнейшей работе. Начатые в 1896 г. публикации записей исследователя получили весьма положительную оценку специалистов-филологов¹.

В 1894 г. на средства И. М. Сибирякова Восточносибирским отделом Русского географического общества была снаряжена Якутская экспедиция. В. Г. Богораза пригласили участвовать в этой экспедиции в качестве этнографа. На протяжении почти трех лет (1895—1897) он

¹ См.: «Новые записи былин в Якутской области», «Этнографическое обозрение», 1896, № 2—3; под тем же названием В. Ф. Миллер опубликовал в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» (1900, т. V, кн. I) еще восемь записанных В. Г. Богоразом былин. В 1901 г. были опубликованы другие фольклорные записи В. Г. Богораза, собранные среди населения долины Колымы, а также «Словарь областного колымского русского наречия» («Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 68, СПб., 1901). По поводу последней работы журнал «Этнографическое обозрение» (1902, № 1, стр. 134) писал: «Работа В. Г. Богораза, дающая ценный филологический и литературный материал, очень интересна как для языковедов, так и для людей, изучающих русскую словесность».

всесторонне исследовал язык², общественный строй, быт и культуру приколымских чукчей. В ряде длительных поездок В. Г. Богораз сопровождал чукча Н. Айн'анват, оказавший ему «большие услуги для ознакомления с языком и разъяснения различных малопонятных явлений чукотской жизни»³. Несмотря на очевидные успехи, достигнутые В. Г. Богоразом в изучении языка и этнографии чукчей, он считал

свои исследования недостаточно полными. «Конечно,—отмечал он,—исследования, произведенные в такой сравнительно короткий срок и на таком обширном и во всех отношениях неразработанном поприще, не могут иметь притязания на полноту ни в одной из затронутых мною отраслей жизни»⁴. Изучение чукчей в Колымском крае Богораз рассматривал как предварительную подготовку к «дальнейшему более тщательному исследованию». Так писал он не из ложной скромности: он хорошо понимал сложность раскрывающегося перед ним особого мира идей и представлений, которые существовали тогда у чукчей. С тех пор как он и практически и теоретически изучил, можно сказать, в совершенстве чукотский язык, ему стали более доступны особенности мировоззрения чукчей, их религиозные представления, восприятие ими мира, окружающих явлений природы и общества. Знание языка, с одной стороны, облегчало его задачи как исследователя, с другой,—усложняло их, так как перед ним раскрывался все шире и глубже мир неизведанных, необычных и своеобразных представлений, понятий, ранее никем из исследователей чукчей не раскрывавшийся.

Владимир Германович всегда оставался глубоко убежденным в том, что никакое серьезное изучение этнографии того или иного наро-

² О результатах лингвистических исследований В. Г. Богораз см.: И. Вдовин, В. Г. Богораз как исследователь языков народов Северо-Востока, «На севере дальнем», кн. 6, Магадан, 1957.

³ В. Г. Богораз, Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края, Иркутск, 1899, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 3.

да невозможно без основательного знания языка этого народа. В этом он был безусловно прав. «Язык — писал он, — является не только орудием для общения с туземцами без посредства переводчиков, часто небрежных и невежественных, он составляет лучшее средство для познания самой народности — средство безошибочное и точное, ибо из каждой фразы, даже из каждой отдельной формы, можно извлечь драгоценные подробности, относящиеся к производственным стадиям, социальным институтам, и связанной с ними идеологии»⁵.

В 1898 г., благодаря ходатайству Академии наук, В. Г. Богоразу было разрешено досрочно возвратиться из ссылки. По прибытии в Петербург он подготовил к печати и опубликовал ряд работ по языку и этнографии чукчей, носящих предварительный характер⁶. Уже эти первые публикации показали, что их автор глубоко и всесторонне изучил язык и культуру чукчей, отчасти эвенов (ламуты). Работа в Петербурге протекала с большим напряжением, так как министр внутренних дел Сипягин не разрешил В. Г. Богоразу проживать в столице. Лишь по ходатайству Историко-филологического отделения Академии наук ученому было разрешено для окончания начатых работ (по подготовке их к печати) проживание в Петербурге всего лишь в течение четырех месяцев, с 1 января по 1 мая 1899 г. Как сложилась бы судьба В. Г. Богоразы дальше, сказать трудно, если бы не одно обстоятельство, которое помогло ему продолжить изучение чукчей и распространить свои исследования на языки и этнографию других народностей северо-востока Сибири. В начале 1899 г. В. Г. Богораз был приглашен известным американским этнологом и лингвистом Ф. Боасом участвовать в Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона. Эта совместная американско-русская экспедиция ставила своей целью выяснение древнейших взаимоотношений и связей между коренным населением Северо-Западной Америки и северо-востока Сибири. В задачи В. Г. Богоразы входило изучение этнографии, языка, антропологии чукчей, сибирских эскимосов, отчасти коряков и ительменов. В июне 1900 г. он прибыл на пароходе в Ново-Мариинск (ныне г. Анадырь). В течение лета и начала осени он обследовал оленных чукчей, проводивших лето на побережье Анадырского лимана, в конце октября на собаках через с. Каменское выехал на Камчатку и в конце марта 1901 г. возвратился на пост Ново-Мариинск. За эти пять месяцев путешествия на собаках В. Г. Богораз объехал территорию расселения почти всех групп коряков, ительменов, кереков и самой южной группы кочевых чукчей. Собранные за время этой поездки материалы легли в основу его последующих трудов по чукотско-корякской группе языков и эскимосскому языку.

Не задерживаясь долго в Ново-Мариинске, В. Г. Богораз уже в апреле 1901 г. выехал на север, по пути знакомясь с чукотским и эскимосским населением этой части Тихоокеанского побережья Чукотки. 2 мая 1901 г. он прибыл в с. Чаплино (эскимосское), где оставался, с

⁵ В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг как фольклорист. Сборник памяти Л. Я. Штернберга, Л., 1930, стр. 85. Еще в 1899 г. В. Г. Богораз писал: «В самом начале работ, я считал, что без знания языка немислимы никакие сколько-нибудь серьезные этнографические исследования» (В. Г. Богораз, Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I, СПб., 1901, стр. 1).

⁶ В. Г. Богораз, Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, «Известия Академии наук», 1899, т. X, № 3; его же, Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края; его же, Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I; его же, Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти, СПб., 1901; его же, Ламуты, «Землеведение», 1900, № 1.

перерывом для поездки на остров Лаврентия, до 7 июня, после чего на эскимосской байдаре возвратился в пост Ново-Маринск и оттуда выехал пароходом во Владивосток, а затем в Америку. Главное внимание и в этой экспедиции В. Г. Богораз уделил изучению языка и этнографии чукчей.

Результатом этой и предыдущей экспедиций явилась монография «Чукчи» в четырех частях, вышедшая в Америке на английском языке в 1904—1910 гг.⁷ В 1934 г. вышел авторизованный перевод на русский язык «Социальной организации чукчей» («Чукчи», ч. I, Л., 1934), а в 1939 г. «Религия» («Чукчи», ч. II, Л., 1939).

Описательная часть, изложение материала — сделаны тщательно и весьма подробно. Однако далеко не со всеми выводами и обобщениями В. Г. Богораз можно согласиться, некоторые из них по меньшей мере спорны. Это относится в первую очередь к ряду его замечаний относительно социальной организации чукчей, исторических выводов, а также к его толкованию некоторых религиозных представлений чукчей. Сам В. Г. Богораз в 1934 г. в предисловии к первой части «Чукчи» писал: «Моя монография о чукчах мне кажется во многих местах устарелой... Я, однако, предпочел напечатать мой основной текст без всяких изменений в качестве исторического материала, написанного и изданного тридцать лет назад»⁸.

Монография В. Г. Богораз получила заслуженно высокую оценку и признание как русских, так и зарубежных этнографов. И в 1934 г. в предисловии редактора к русскому переводу Я. П. Алькор отмечал: «Несмотря на то, что «Чукчи» написаны в начале XX века и покоятся на материалах конца XIX века, они сохранили свое значение и в настоящее время, ибо и сейчас нет другой работы, которая с такой обстоятельностью дала бы картину материального быта, религиозных верований и отчасти социального строя чукчей»⁹.

Говоря о значении второго тома монографии В. Г. Богораз — «Религия», перевод на русский язык которого появился в 1939 г., редактор Ю. П. Францев писал: «Книга В. Г. Богораз своим огромным фактическим материалом окажет помощь тому, кому приходится изучать религиозные верования, чтобы уметь бороться с ними. Книга эта поможет антирелигиознику, историку религии, который хотел бы глубже познаться с ранними формами религиозной идеологии, захотел бы познакомиться с подробным монографическим описанием этих форм.

Эта монография, оставившая серьезный след в этнографической науке, несмотря на все свои недостатки, не потеряла значения и до сегодняшнего дня»¹⁰.

К сказанному следует добавить, что и в наши дни труды В. Г. Богораз по этнографии чукчей не потеряли своего научного и познавательного значения и заслуживают высокой оценки. Сейчас, когда в результате социалистических преобразований перестраиваются все стороны жизни чукчей: экономика, идеология, культура и быт, — молодое поколение чукчей уже не знает многого из того, что описано В. Г. Богоразом в его трудах. Поэтому названные работы исследователя важны для

⁷ W. Bogoras, *The Chukchee. Material Culture*, «The Jesup North Pacific Expedition», v. VII, p. I, Leiden — New York, 1904; его же, *The Chukchee. Religion*, там же, p. II, 1907; его же, *The Chukchee, Social Organization*, там же, p. III, 1909; его же, *Chukchee Mythology*, там же, v. VIII, p. I, 1910.

⁸ В. Г. Богораз-Тан, *Чукчи*, ч. I, Л., 1934, стр. XIV.

⁹ Там же, стр. V.

¹⁰ В. Г. Богораз-Тан, *Чукчи*, ч. II, *Религия*, Л., 1939, стр. VII.

нас как обстоятельное, яркое и правдивое описание жизни чукчей, их культуры и быта конца XIX — начала XX в. Эти труды являются также весьма ценным, порой единственным источником при изучении истории и этнографии чукчей вообще. Ни один исследователь прошлого и настоящего чукчей и других народностей северо-востока Сибири не может обойтись без этих капитальных трудов В. Г. Богораза. Однако не следует забывать, что к его выводам, теоретическим положениям надо подходить с позиций современной исторической и этнографической науки.

Публикации лингвистических работ В. Г. Богораза несколько задержались. В 1909 г. появилась статья «Материалы для изучения языка азиатских эскимосов»¹¹. В 1913 г. в Нью-Йорке были опубликованы тексты сказок и песен эскимосов Сибири¹². К этому же времени относится завершение работы по составлению сборника текстов на диалектах корякского языка и основной работы по фонетике и морфологии чукотского, корякского и ительменского языков. Начатые печатанием в 1914 г., эти работы вышли в свет с большим запозданием: первая — в 1917 г.¹³, вторая — только в 1922 г.¹⁴ Этими исследованиями языков народностей крайнего Северо-Востока В. Г. Богораз заложил прочный фундамент для их дальнейшего изучения. Как ученый-языковед он дал глубокий анализ и обобщил множество собранного, изученного и систематизированного им материала, чем оказал огромную услугу русской дореволюционной и советской языковедческой науке.

Помимо исследований в области языка и этнографии чукчей, В. Г. Богоразом собрано и опубликовано около 200 текстов чукотского фольклора¹⁵. Вместе с тем он предпринял попытку не только систематизировать, но и дать научную классификацию его. Это были первые научные публикации материалов устного народного творчества чукчей. Они получили высокую оценку комиссии Историко-филологического отделения Академии наук, в состав которой входили академики В. В. Радлов, В. И. Васильев, К. Г. Залеман, А. А. Куник и В. Р. Розен¹⁶. Эти публикации до настоящего времени не утратили своих научных достоинств, они остаются важным источником для изучения не только языка и фольклора, но и этнографии чукчей.

Начиная с 1895 г. и до конца своих дней, на протяжении четырех десятилетий, ученый не прекращал многосторонних исследований языка, фольклора, разных отраслей этнографии чукчей. В советское время его усилия были направлены не только на теоретические исследования, но и на всестороннее содействие культурному развитию чукчей, как и других малых народностей Советского Севера. Его глубокие и разносторонние знания хозяйства, быта, культуры и языков народностей Севера нашли широкое, хорошо известное практическое применение. Он был совершенно прав, когда в 1934 г. писал: «Изучение чукоч было, можно

¹¹ «Живая старина», СПб., 1909, вып. 2—3, кн. 70—71. Эта статья под тем же названием вышла отдельной брошюрой в 1910 г.

¹² W. Bogoras, *The Eskimo of Siberia*, «The Jesup North Pacific Expedition», v. VIII, p. III, New York, 1913.

¹³ W. Bogoras, *Koryak texts*, «Publications of American Ethnological Society», v. V, New York, 1917.

¹⁴ W. Bogoras, *Chukchee*, «Handbook of American Indian Languages», p. II, Washington, 1922.

¹⁵ В. Г. Богораз, *Материалы по изучению чукотского языка и фольклора*, собранные в Колымском округе; его же, *Chukchee Mythology*.

¹⁶ Протокол № 1 заседания Историко-филологического отделения от 13 января 1899 г.

сказать, делом моей жизни. Кроме научной работы, оно давало мне темы также для повестей и романов и даже для стихов. Но во всю предыдущую эпоху оно имело значение исключительно теоретическое.

Только революция и новое советское строительство дали другое, практическое задание и открыли возможность на склоне моей жизни работать для возрождения тех отдаленных народностей, среди которых я провел лучшую часть моей молодости»¹⁷.

Деятельность В. Г. Богораза в советское время была весьма активной и целенаправленной.

В 1918 г. он снова начал работать в Музее антропологии и этнографии Академии наук. И с этого же времени ученый принимает деятельное участие, связанное по преимуществу с этнографией народов Севера, в научно-практической и общественной работе. Он ведет преподавание на этнографическом и географическом факультетах Ленинградского географического института, затем Ленинградского государственного университета, энергично пропагандируя этнографию.

Владимир Германович никогда не терял связи с современностью. Организация студенческих этнографических экскурсий, студенческих этнографических изданий, посвященных изучению быта послереволюционной деревни,— яркое этому подтверждение. Один перечень студенческих этнографических публикаций, вышедших под его руководством, говорит о тесной связи с жизнью. Таковы: «Революция в деревне» (два выпуска 1924 и 1925 гг.), «Старый и новый быт» (1924); «Обновленная деревня» (1925); «Комсомол в деревне» (1926) и др.

Его искренне беспокоили судьбы малых народностей Севера. В марте 1923 г. В. Г. Богораз выступил на коллегии Народного Комиссариата по делам национальностей с докладом «Об изучении и охране окраинных народов»¹⁸. Доклад сопровождался конкретными предложениями¹⁹, в связи с чем В. Г. Богораз явился одним из инициаторов создания Комитета содействия малым народностям Севера при Президиуме ВЦИК. Активным членом этого Комитета Владимир Германович стал с момента его организации (1924 г.). В связи с преобразованием в 1925 г. Ленинградского географического института в Этнографо-географический факультет при Ленинградском государственном университете, В. Г. Богораз выступил на расширенном пленуме Комитета Севера с предложением организовать при факультете северный цикл и рабфак. Целевая направленность факультета, как говорил он, «имеет своей задачей готовить этнографически образованных и практически умелых деятелей для работы», в частности «среди туземных народностей СССР по линии развития их самостоятельности и культуры, экономической, политической и социальной»²⁰. Эта научно-практическая направленность деятельности В. Г. Богораза отвечала запросам того времени в области подготовки кадров для Советского Крайнего Севера.

Важную роль организационно-практического и научного характера сыграл Владимир Германович в создании Института народов Севера, организации учебно-педагогического процесса, в выработке программ, в создании научно-исследовательской ассоциации при Институте.

¹⁷ В. Г. Богораз-Тан, Чукчи, ч. I, стр. XXX.

¹⁸ «Жизнь национальностей», 1923, кн. III и IV, стр. 168—177.

¹⁹ Предложения к вопросу «Об изучении и охране окраинных народов», Там же, стр. 178—180.

²⁰ «Ленинградский Географический институт иготавливаемые им работники» (Тезисы доклада проф. В. Г. Богораза-Тана). «Северная Азия», кн. III, 1925, стр. 120—121.

В. Г. Богораз был в значительной мере человеком практического склада ума, большой деловитости и оперативности. Он считал, что этнография в советских условиях в первую очередь призвана служить (обязательно со знанием дела) практическим целям скорейшего преобразования быта и культуры народностей Севера.

В 1925 г., выступая на Пленуме Комитета Севера с докладом «Подготовительные меры к организации малых народностей», В. Г. Богораз указывал, что основная задача этого Комитета — не исследование, а практическое содействие малым народностям Севера: «Изучение Севера должно быть соединено с практическим производственным подходом»²¹. При этом он подчеркивал плодотворность сочетания науки и практики: «Производственный практический подход, — говорил Богораз — всегда оплодотворяет изучение». Его слова подкреплялись делами. Касаясь вопроса о направлении из центра людей на Север, он говорил: «Мы должны посылать на Север не ученых, а миссионеров, миссионеров новой культуры и советской государственности. Не старых, а молодых, не испытанных профессоров, а начинающих, только что окончивших курс работников, воспитанных новой советской средой и готовых нести на Север весь пыл энтузиазма, рожденный революцией, и умелость практической работы, отточенную в революционном процессе. Эти молодые работники Северного Комитета должны предварительно получить полное и тщательное научное образование, по преимуществу этнографическое. Но на Севере их основная работа не научная, а практическая»²². И в этой связи, со свойственной ему эмоциональностью, он говорил далее: «Мы знаем о северных туземцах слишком мало. Старые материалы устарели, и кроме того даже работы мои и указанных выше товарищей (В. И. Йохельсона и Л. Я. Штернберга. — И. В.) имеют по преимуществу научное, а не практическое содержание»²³. Свой доклад он закончил практическим предложением: «Мы предлагаем вам для начала работы использовать наш выпуск последнего 1924 года по обоим факультетам, этнографическому, а также и общегеографическому. Возьмите их и продвиньте подальше на Севере в соответственные области не вместе, а порознь, поодиночке, дайте им практические задания и возможность изучения туземцев и планомерной подготовки к практической работе»²⁴.

Большинство воспитанников этнографо-географического факультета по рекомендации и призыву В. Г. Богораз окунулись в практические дела на Севере. Тогда это было сопряжено с большими трудностями, многими лишениями и серьезным риском для здоровья.

Сам ученый, наряду с занятиями общими проблемами этнографии, не прекращал своих исследований по этнографии чукчей. Вопросы общественного строя чукчей, наиболее сложная часть его монографии, волновали В. Г. Богораз и в советское время. К этой теме он возвращался неоднократно. Так, в 1930 г. появилась его статья «Чукотский общественный строй по данным фольклора»²⁵, в 1931 г. — «Классовое расслоение у чукоч оленеводов»²⁶. К этой же теме он возвратился и в предисловии к первой части «Чукчи».

²¹ В. Г. Богораз-Тан, Подготовительные меры к организации малых народностей, «Северная Азия», кн. III, 1925, стр. 47.

²² Там же, стр. 48.

²³ Там же, стр. 49—50.

²⁴ Там же, стр. 50.

²⁵ «Советский Север», 1930, № 6.

²⁶ «Сов. этнография», 1931, № 1—2.

В 1936 г. появилась статья Богораз «Социальный строй американских эскимосов»²⁷, в которой он в качестве сравнительного материала привлекает сведения об общественных отношениях чукчей и сибирских эскимосов.

В. Г. Богораз был непримиримым борцом против религий всяких толков и направлений. В 1931 г. в системе Академии наук СССР в Ленинграде под его руководством был основан Музей истории религии. До конца своих дней он был директором этого музея.

В. Г. Богораз охотно применял свои познания в области этнографии для решения актуальных вопросов современности. Так, в 1932 г. он выступил со статьей «Религия, как тормоз социалистического строительства среди малых народностей Севера»²⁸. В этой очень интересной по постановке вопроса статье Богораз убедительно опровергает довольно широко распространенное тогда мнение о невинном характере деятельности шаманов, безвредности религиозных представлений народов Севера и связанных с ними обрядов, запретов и т. п. Такое отношение к религиозным представлениям народов Севера исследователь расценивал как проявление народнического либерализма. В этой связи он писал: «С либерально-народнической точки зрения религия туземных народов выдвигалась или как угнетенная, или как этнографический музейный объект, во всяком случае, считавшийся вполне безобидным»²⁹.

Он рекомендует усилить работу среди молодых людей Севера. По мнению В. Г. Богораз, они правильнее воспринимают новое, острее видят все то, что мешает скорейшему приобщению их к советской социалистической культуре. «В советскую эпоху,— отмечал Владимир Германович,— начало критическому острому подходу к элементам религии было положено, прежде всего, молодым туземным активом, учениками северных школ, а также студентами ИНС'а (Института народов Севера.— *И. В.*). Группы такого актива проявили значительную чуткость и острую непримиримость как по отношению к буржуазным элементам классового расслоения — богатым, кулакам и торговцам, так и по отношению к служителям религии — шаманам»³⁰.

Это положение он подкрепляет текстом весьма выразительного рассказа чукчи Ан'к'акымылгына (в то время студента Института народов Севера), разоблачавшего вредную деятельность уэленских шаманов Гэмалк'ота, Франка-Окой и Милетки.

В. Г. Богораз считал, что на Севере антирелигиозная борьба направлена исключительно против шаманов, тогда как должна вестись борьба с религией, как с мировоззрением. Это очень верное замечание остается актуальным и сейчас, когда нет или почти нет шаманов, но различные пережитки в мировоззрении людей все еще есть. Преодоление этих пережитков, остатков старого мировоззрения — одна из первоочередных задач культурно-просветительной работы на Севере.

О воздействии религии на общественную жизнь народностей Севера В. Г. Богораз писал: «Религиозная идеология и ее неизменная реакционность, увязанная с множеством обрядов, сложившихся, как годовые циклы, с изобилием пищевых, производственных и социальных запретов, сковывают жизнь северного жителя и не дают ей развиваться и вообще двигаться вперед»³¹.

²⁷ «Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР», т. IV, М.—Л., 1936.

²⁸ «Советский Север», 1932, № 1—2.

²⁹ Там же, стр. 142.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 144.

Одной из последних работ ученого, связанных с этнографией чукчей и других народностей Севера, было «Методическое письмо по организации антирелигиозной работы среди народов Севера», составленное под его руководством Н. А. Никитиной³². В этом пособии много примеров, взятых из современной жизни народностей Севера и, в частности, Чукотки начала 1930-х гг. Тут же приводятся примерные планы разъяснительной работы по поводу «Праздника моржа» и «Праздника отела и убоя оленей».

Как следует из сказанного выше, В. Г. Богораз постоянно интересовался строительством новой жизни на Чукотке, успехами и трудностями, которые стояли на пути преобразования экономики, культуры и быта чукчей.

Такую же последовательность — служение современным требованиям жизни проявил В. Г. Богораз, когда встал вопрос о создании письменности на языках народностей Севера. Он встретил это решение с энтузиазмом и, несмотря на большую занятость, принял непосредственное участие в этом деле.

В 1932 г. вышел первый букварь на чукотском языке. В 1933—1934 гг. — ряд учебников и брошюр общественно-политического содержания, которые были переведены на чукотский язык В. Г. Богоразом или при его участии³³. Он провел большую организационную и научно-педагогическую работу по подготовке кадров языковедов и этнографов северников, по налаживанию преподавания северных языков, этнографии Сибири в высших учебных заведениях (Северное отделение Педагогического института им. А. И. Герцена, Северное отделение Ленинградского Историко-филологического института, Институт народов Севера). В советское время им был опубликован ряд работ по языкам народностей Северо-Востока, которые имели важное значение для подготовки кадров языковедов, создания письменности, а также для дальнейшего изучения этих языков.

Весь советский период жизни В. Г. Богораз отличает замечательная черта — постоянное стремление связывать свою научную и общественную деятельность с решением насущных задач социалистического строительства на Севере. О нем можно сказать, что свои знания этнографии он поставил на службу культурного развития народностей Севера в прямом и самом непосредственном значении этого слова.

SUMMARY

The article describes the activities of W. G. Bogoraz (1865—1936) — a well-known russian and soviet ethnographer, linguist and folklorist, explorer of North-East Siberia.

³² «Методическое письмо по организации антирелигиозной работы среди народов Севера», М., 1934.

³³ «Советы Севера», Перевел на чукотский язык В. Г. Богораз, Л., 1933; Я. П. Алькова, Что дала Октябрьская революция народам Севера, Перевел на чукотский язык В. Г. Богораз, Л., 1933 и др.